

КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВ И ЦАРЬ ИЕЗЕКИЯ (К ИНТЕРПРЕТАЦИИ СТАТЕЙ
«ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» ПОД 1075 И 1076 г.)

В «Повести временных лет» можно обнаружить фрагменты текста, которые, не являясь, быть может, самыми загадочными с точки зрения описываемых в них событий, при более пристальном взгляде позволяют обнажить некоторые внутренние законы композиции летописного повествования и вскрыть неявные, имплицитно присущие летописному стилю приемы.

К числу таких фрагментов принадлежит, на наш взгляд, хорошо изученное и подробно прокомментированное описание визита немецких послов к князю Святославу Ярославичу, помещенное в летописях под 1075 г.: «В се же лѣто придоша сли из нѣмецъ къ Стославу Стославъ же, величася показа имъ бѣство свое и ни же видѣше, бещисленое множество злато и сребро и паволоки и рѣша се ни въ чтоже кѣсть се бо лежить мертво сего суть кметѣ луче мужи бо сѣ доищють и болше сего сице сѣ похвали и Иезекии цррь Июдѣиск к Соломону црря Асурииска кѣгоже всѣ взята быша в Вавилонѣ тако и по сего смрти все имѣнье расъпасѣ разнѣ»¹.

Перечислим бегло ряд особых черт, которые выделяют этот эпизод в составе летописного повествования.

Прежде всего, бросается в глаза его явная анахроничность: не нужно быть специалистом в области летописной текстологии, чтобы определить, что свидетельство о немецком посольстве не является обычной погодной записью. В самом деле, в нем рассказывается о том, что после кончины Святослава Ярославича все его имение «расъпасѣ разнѣ», в то время как о смерти князя как историческом событии говорится только в статье, помещенной под следующим, 1076 годом. Тем самым рассказ о немецком посольстве оказывается своего рода некрологом, подводящим итог не только конкретному событию, но и всей жизни князя в целом, причем некрологом, так сказать, упреждающим, забегающим вперед относительно хронологической фиксации событий.

Кроме того, этот отрывок, как известно, дает нам возможность «бинокулярного видения» тех фактов, о которых повествует летописный текст, так как мы можем соотнести их и с другими показаниями — свидетельствами западных хроник, в первую очередь «Анналами» Ламперта Херсфельдского, где события, связанные с этим немецким посольством, описываются сходным и одновременно несходным образом².

¹ ПСРЛ. Л., 1926. Т. I. Стб. 198–199; ПСРЛ. СПб., 1908. Т. II. Стб. 189–190. В Новгородской первой летописи данный рассказ отсутствует.

² Paucis post diebus Mogontiam venit, ibique occurrit ei Ruzenorum rex Demetrius nomine, deferens ei inestimabiles divitias in vasis aureis et argenteis et vestibus valde pretiosis, petitque, ut auxilio sibi foret contra fratrem suum, qui se per vim expulisset et regnum tyrannica immanitate occupasset. Missus est protinus a rege Burchardus Teverensis aeccliesiae prepositus agere cum illo de iniuriis, quas fratri intulerat, et commonere, ut regno, quod iniuste invasisset, ultro decederet, alioquin auctoritatem et arma Teutonici regni propediem experturum fore. Is legationi huic propeterea opportunus videbatur, quod ille, ad quem mittebatur, sororem eius in coniugio habebat, et ipse hac de causa apud regem, ne quid in illum interim gravius decerneretur, summis precibus obtinuerat. Ruzzenorum rex Dedi marchioni Saxonico, cuius ductu eo advenerat, a rege commissus est servandus, donec legati reverterentur. — «Немного дней спустя по приезде в Майнц к нему (Генриху IV) прибыл король Руси по имени Дмитрий, привезя ему бесчисленные сокровища в виде золотых и серебряных сосудов и чрезвычайно драгоценных одежд, с просьбой оказать ему помощь против его брата, который силой изгнал его из королевства и, подобно свирепому тирану, сам завладел королевской властью. Для переговоров с ним об обидах, которые он причинил своему брату, король, не медля, отправил Бурхарда, настоятеля Трирской церкви, который должен был предупредить его, чтобы он оставил не по праву захваченный трон, иначе ему придется испытать силу оружия Германского королевства. Этот [Бурхард] оказался подходящим для такого посольства по той причине, что тот, к кому он отправлялся, был женат на его сестре, и Бурхард активно ходатайствовал перед королем, чтобы против того пока не предпринималось никаких более серьезных мер. Король же Руси по возвращении посольства был поручен королем [Генрихом] заботам маркграфа саксонского Деди, в сопровождении которого он ранее и прибыл». См.: Lamperti monachi Hersfeldensis opera // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi / Ed. O. Holder-Egger. Hannover; Leipzig, 1894. Т. 38. P. 202 sub anno 1075. Перевод А. В. Назаренко цит. по: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных,

Вместе с тем в этом небольшом фрагменте летописи упомянуты и некоторые специфические особенности родового обихода Рюриковичей, например существование личных княжеских сокровищниц в Киеве. Не исключено также, что данный эпизод имеет определенное отношение к практике почти беспрепятственного разграбления этих сокровищ после кончины князя³.

Наконец, нельзя не упомянуть и о том, что русский летописец максимально абстрактно и отвлеченно говорит о причинах и последствиях встречи немецких послов со Святославом, и в этом заключается еще одна особенность интересующего нас текста — вполне конкретные события описываются с помощью готовых и относительно жестких повествовательных клише разного уровня.

Об одном из них — формуле «се ни въ чтоже ксть се бо лежить мертво сего суть кметѣ луче мужи бо сѧ доищють и болше сего» — нам уже приходилось писать. С помощью этого речения князь Святослав Ярославич сравнивается со своим родным дедом, Владимиром Святославичем, которому летопись приписывает следующие слова «сребром и злато^м не има^м налѣсти дружины а дружиною налѣзу сребро и злато ꙗкоже дѣдъ мой и ѿдѣ мой доискаса дружиною злата и сребра»⁴. Вместе с тем в этом сопоставлении присутствует, несомненно, и фигура прадеда и тезки нашего князя, Святослава Игоревича, который, согласно летописи, в свое время демонстрировал пренебрежение к драгоценным дарам византийского посольства и не глядя раздавал их своей дружине⁵. Этот повторяющийся микротекст, судя по всему, скандинавский по происхождению, создает в пространстве летописи устойчивый костяк княжеских характеристик⁶.

Если говорить об еще одной, немаловажной для нас теме, теме фиксации в летописи устных высказываний, то в данном случае совершенно очевидно, что с точки зрения формы немецкие послы вряд ли произнесли буквально такую фразу. В самом деле, такого рода формулы целиком принадлежат русско-варяжской традиции и совершенно нехарактерны для немецких источников того времени. Кроме

торговых и политических связей IX—XII веков. М., 2001. С. 509. О фигуре Бурхарда, шурина князя Святослава, возглавившего немецкое посольство на Русь, см. подробнее: Там же. С. 507—513; Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Из начальной истории монастыря св. Симеона в Киеве // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 3 (29). С. 62—63; Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Монастырь св. Симеона в Киеве // Анфологион: Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века. К 70-летию Бориса Николаевича Флори. М., 2008. (Славяне и их соседи. Вып. 12.) С. 276—284.

³ Возможно, этот обычай связан с общеευропейской архаической традицией сполій (от латинского *spolio* 'раздевать, похищать, лишать'), являющейся частью той легальной анархии, которая наступает на некоторое время после смерти правителя (см.: Бойцов М. А. Ограбление мертвых государей как всеобщее увлечение // Казус 2002. М., 2002. Вып. 4; Писаренко Ю. Почему «потаиша» смерть князя Владимира (К летописной статье 1015 г.) // Ruthenica. Т. V. Київ, 2006. С. 243—248). Необходимо, впрочем, учитывать, что в летописном материале, относящемся к домонгольскому времени, есть, как кажется, всего лишь один корректный пример такого рода описания (в работе Ю. Писаренко, кстати, оставшийся нерассмотренным) — мы имеем в виду бесчинства и расхищение киевлянами имущества Юрия Долгорукого (см.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 489 под 1157 г.). Остальные летописные свидетельства (в частности, рассказ о кончине Владимира Святого или Андрея Боголюбского) могут быть поняты именно таким образом только при некоей реконструирующей интерпретации. В нашем эпизоде под 1075 г. к подобной реконструкции подталкивает фраза «расыпаса разно». Не исключено, хотя и необязательно, что она указывает на имевшее место посмертное разграбление княжеского добра. В самом деле, у Святослава Ярославича были сыновья, которые могли бы унаследовать это имущество, и был брат Изяслав, вернувшийся на киевское княжение, который также мог бы заполучить его целиком. Тем не менее конструкция «расыпаса разно» вряд ли может служить описанием как той, так и другой ситуации — она бы больше подошла к беспорядочной раздаче или расхищению сокровищ посторонними, не членами рода. Ср., однако, в связи с этим упоминание о раздаче личного достояния Вячеслава Владимировича его племянником и нареченным сыном Ростиславом (см.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 473 под 1154 г.).

⁴ См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 126 под 996 г.

⁵ См. подробнее: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X—XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 435—447; Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Презрение к византийскому золоту: общие сюжетные элементы в летописи и саге // Раннее средневековье глазами Позднего средневековья и Раннего Нового времени (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа). Славяне и их соседи: XXIII конференция памяти В. Д. Королюка. Материалы конференции. М., 2006. С. 48—52.

⁶ Подробнее о таких характеристиках см.: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Между прозвищем и панегириком: к изучению русско-варяжского формульного фонда // Именослов. Историческая семантика имени / Сост. Ф. Б. Успенский. М., 2007. Вып. 2. С. 135—188.

того, подобного рода речение едва ли уместно с точки зрения дипломатического обихода, коль скоро посольство не носило заведомо враждебного характера.

Иными словами, летописец мог употребить это речение только с оглядкой на внутренние, собственно родовые и собственно русские смыслы и ассоциации. С другой стороны, если он обладал достаточной осведомленностью, не исключено, что здесь косвенным образом подразумеваются и вполне прагматические задачи немецкого посольства: как мы знаем, будущий император Генрих нуждался в деньгах Святослава и именно благодаря им смог расплатиться со своим войском, так сказать, со своими кметями, и продолжить войну⁷.

Как бы то ни было, непосредственно при взгляде на летопись создается впечатление, что немецкие послы являлись к Святославу ровно за тем, чтобы посмотреть на те сокровища, которыми он похвалялся, и выразить негативную оценку его жизненной стратегии. О практических целях, которые на самом деле преследовали обе стороны, не сказано ни слова, никак не упомянуто даже такое немаловажное обстоятельство, что вся затея с немецким посольством спровоцирована приездом к королю Генриху князя Изяслава Ярославича, соперника Святослава. Подобная драматургия текста связана с действием второго повествовательного клише, которое и будет более всего интересоваться нас в дальнейшем.

Исследователями давно уже отмечалось, что события 1075 г. излагаются с явной ориентацией на тот нарративный образец, который задан в рассказе о царе Иезекии, вавилонских послых и пророке Исаии⁸. Давно отмечалось также и то, что соответствие библейскому тексту в летописи не вполне точное. Неточности эти объяснялись, на наш взгляд, вполне правдоподобно, тем, что летописец использовал библейский текст по памяти⁹. Если это предположение верно, то своеобразные «точки забывания» летописца дают нам возможность составить некое представление о том, насколько он был осведомлен в библейском тексте, что помнил из него и каким образом с ним работал.

Как уже было отмечено выше, клише «сего суть кметѣ луче...» почерпнуто из иной, небиблейской культурной сферы, а поэтому его можно временно исключить из рассмотрения. В чем же заключаются другие неточности и отступления летописного повествования от библейского образца? Путаница затрагивает преимущественно названия царств и имена царей. Так, согласно ветхозаветным текстам, Иезекия демонстрирует свои сокровища послам царя вавилонского, тогда как у летописца — послам царям ассирийского. Однако если мы несколько расширим рамки обзора библейского сюжета, то легко убедимся, что о приезде послов царя ассирийского к Иезекии речь идет в предшествующих главах 4-й книги Царств и/или Книги пророка Исаии¹⁰. Иными словами, летописец не смешивает какие-то произвольные названия и события библейской истории, а склеивает, как это нередко бывает при пересказе по памяти, соседние эпизоды.

Таким образом, в памяти у него, так или иначе, присутствует вся ветхозаветная история царя Иезекии, во всяком случае больший ее раздел, чем то, что непосредственно упоминается в летописи. Если это и в самом деле так, мы, кажется, сможем ответить на еще один не вполне тривиальный вопрос: на чем держится летописное уподобление Святослава Ярославича именно иудейскому царю Иезекии и почему летописец выбирает именно такое повествовательное клише для описания немецкого посольства?

В самом деле, с точки зрения сухой фактографии разительного сходства между этими фигурами и уподобляемыми событиями, на первый взгляд, нет. Сокровища и власть из рода Рюриковичей отнюдь

⁷ Ср. слова Ламперта Херсфельдского: «...огромные расходы на последнюю войну опустошили королевскую казну, тогда как войско выражало сильное недовольство, настойчиво требуя платы за только что завершившийся поход» (перевод А. В. Назаренко) (см.: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 529).

⁸ 4-я кн. Царств 20: 12–19; Исаия 39: 1–8. Ср.: Шахматов А. А. История русского летописания. Т. I: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2: Раннее русское летописание. СПб., 2003. С. 830; Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 530; Максимович К. А. Моравизмы в древнерусском книжном языке: ст.-сл. *КЪМЪТЬ, др.-рус. КМЕТЬ // Russian Linguistics. 2004. Vol. 28. С. 121. Примеч. 15.

⁹ См.: Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. (Литературные памятники). Изд. 2-е. СПб., 1996. С. 503.

¹⁰ 4-я кн. Царств 19: 8–14; Исаия 36: 2–6. Кроме того, царь ассирийский, угрожавший иудейскому царству, упоминается и в 20-й главе 4-й книги Царств, т. е. непосредственно в той главе, где рассказывается о послах царя вавилонского.

не переходят к немцам (как это случается с наследием Иезекии, отошедшим к вавилонянам), и летописец явно не имеет намерений предречь, что так произойдет в сколь угодно отдаленном будущем. Таким образом, кульминационный момент библейского эпизода никак не откликается в русской истории и, что еще более существенно, не кладется в основу повествовательного сопоставления.

Именно с этим несопадением, как кажется, и связана аберрация памяти летописца, смешавшего ассирийцев и вавилонян. Действительно, в библейском тексте все трагически логично: Иезекия показывает все до одного свои сокровища вавилонским посланцам, и в Вавилон все его богатство и будет взято. Летописец же, судя по всему, не имеет в виду ничего подобного, и потому для него нерелевантна ошибка, ведущая к известному логическому противоречию: в летописи Иезекия показывает сокровища ассирийским посланцам, а уйдет все это имущество вовсе не в Ассирию, а, как и сказано в Библии, в Вавилон. Иными словами, здесь срабатывает хорошо известный механизм путаницы в тех деталях, которые несущественны в перспективе рассказчика.

Но почему же все-таки для сопоставления избирается царь Иезекия?

С одной стороны, для русского летописания он явно не был такой «титულიной фигурой», как Давид или Соломон, которым мог уподобляться практически всякий русский князь. Насколько мы знаем, в древнерусских текстах Иезекия если и фигурировал в сравнениях и уподоблениях, то скорее в составе некоего списка и перечня, где его имя связывалось с горячей молитвой и упованием на Божью волю¹¹. С другой стороны, русская риторика далеко еще не вступила в ту, так сказать, барочную эпоху своего развития, когда ценятся и практикуются парадоксальные сближения, уподобление всего и вся.

На этом фоне данная фигура уподобления кажется не то чтобы недопустимой, а несколько произвольной и, главное, невыразительной. Однако поскольку мы осведомлены о том, что летописец знал не только эпизод о вавилонских / ассирийских посланцах, то, проделав уже примененную нами однажды операцию расширения рамок обзора, можно получить более наглядное объяснение, почему летописец уподобил Святослава Иезекии, чем русский князь напомнил ему ветхозаветного царя.

В следующей погодной статье, той самой, где прямым и стандартно оформленным образом сказано о кончине князя Святослава Ярославича, сообщена и причина его смерти. Как довольно точно выразились авторы одной из современных энциклопедий, он умер вследствие неудачной хирургической операции, т. е., говоря словами летописи, «от рѣзаныа желеве»¹², опухоли, нарыва. Двадцатая же глава 4-й книги Царств начинается с рассказа о смертельной болезни Иезекии и о том, как благодаря своей молитве царь получил пророчество об исцелении. Само чудо исцеления от недуга описано следующим образом: «И сказал Исаия: Возьмите пласт смокв, и взяли и приложили к нарыву, и он выздоровел»¹³. Далее в

¹¹ Упоминание Иезекии мы находим, например, в Изборнике 1076 г., который традиционно именуется Изборником Святослава. Такая хронологическая и «просопографическая» близость могла бы сказать о многом, однако в контексте Изборника царь Иезекия ничем не выделен среди других библейских персонажей, и его упоминание здесь едва ли может объяснить наше летописное сближение: «Въстени акы мытарь прибѣгни акы блудныи оумили сѧ акы ахаавъ <плачи сѧ> акы п<етръ> зови акы ханаан <ъни> прѣдъстои ꙗко въдовица [мо]ли сѧ акы иезекиа сѣмѣри сѧ акы манаси...» (Изборник 1076 года / Изд. подгот.: В. С. Гольщенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. М., 1965. С. 250–251). В подобного рода перечне фигурирует имя царя Иезекии и в Памяти и похвале Иакова мниха: «Подобяся царемъ святымъ блаженный князь Володимерь Пророку Давиду, царю Езекѣю и преблаженному Иосѣю и великому Костянтину, иже избраша и изволиша Божий законъ боле всего и послужиша Богу всѣмъ сердцемъ и получиша милость Божию и наслѣдиша рай и приаша царство небесное и почиша съ всѣми святыми, угрожащими Богу: такоже и блаженный князь Володимерь, послуживъ Богу всѣмъ сердцемъ и всею душею» (Голубинский Е. Е. История Русской церкви. Изд. 2-е. М., 1997. Т. I/1. С. 243).

Если же говорить об оригинальных древнерусских текстах, созданных позже, то прямое уподобление некоего князя и Иезекии мы находим в таком текстологически сложном источнике, как «Слово Даниила Заточника», но здесь оно, очевидным образом, появляется под прямым или косвенным воздействием летописи: «Паволока бо испестрена многими шолки и красно лице являеть; тако и ты, княже, многими людми честень и славень по всѣмъ странам. Яко же бо похвалися Езекіи царь посломъ царя Вавилонскаго и показа им множество злата и сребра; они же рѣша: нашъ царь богатѣи тебе не множествомъ злата, но множествомъ воя; зане мужи злата добудуть, а златомъ мужей (не) добыти. Яко же рече Святославъ князь, сынъ Ольжинъ, ида на Царьградъ с малою дружиною, и рече: братіа! намъ ли от града погинути или граду от нас пленену быти?» (Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам / Подгот. к печати Н. Н. Зарубин. Л., 1932. (Памятники древне-русской литературы. Вып. 5). С. 16–18, 60).

¹² См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 199; ПСРЛ. Т. II. Стб. 190.

¹³ Соответственно, в Книге пророка Исаии болезни и исцелению Иезекии посвящена 38-я глава, где также речь идет о *нарыве*.

4-й книге Царств и следует рассказ о знамении солнечной тени, занимающий с восьмого по одиннадцатый стих и продолжающий тему пророчества об исцелении царя. Непосредственно же в двенадцатом стихе и начинается пресловутый рассказ о послах вавилонских и о сокровищах Иезекии.

Итак, именно *нарыв, опухоль* является мотивацией и скрытой основой риторического сближения / противопоставления двух персонажей: Иезекия чудесным образом избавляется от болезни, излечив нарыв, тогда как Святослав при попытке избавиться от «желве» умирает. При этом нельзя не отметить, что на русской почве летопись — не единственный источник, где сообщается о специфическом недуге князя. В «Сказании о свв. мучениках Борисе и Глебе» мы обнаруживаем следующий эпизод: «...и цѣловаша святааго Бориса главу, а святааго Глѣба руку. Възьмъ же, Георгій митрополитъ благословяше князѣ Изяслава и Всеволода. И паки Святославъ, имъ руку митрополичю и дръжащю святааго руку, прилагааша къ вреду, имъже боляше на шию, и къ очима, и къ темени, и по семь положи руку въ гробѣ. Начаша же пѣти святаю литургию. Святославъ же рече к Бърнови: “нѣчто мя на головѣ бодеть”. И снѣя Бърнѣ клобукъ съ князя, и видѣ нгытъ святааго, и снѣя съ главы и въдасти и Святославу. Онѣ же прославя Бога о благодарении святаю»¹⁴.

Таким образом, здесь упомянуто не только интересующее нас внешнее проявление болезни как таковой, но и попытка исцеления от нее с помощью руки новопрославленного святого, родича князя, обладателя имен *Глеб* и *Давид*. Нельзя, разумеется, не отметить, что в «Чтении о святых мучениках» речь идет о руке св. Бориса, эпизод с ногтем, оставшимся на голове Святослава, изложен более лаконично, а нарыв-«вред» никак не упомянут, в летописном же рассказе о перенесении мощей Бориса и Глеба данный эпизод отсутствует вовсе. Никким образом не затрагивая вопрос о соотношении различных текстов борисоглебского цикла, подчеркнем лишь одно существенное для нас обстоятельство: история о попытке чудесного исцеления Святослава так или иначе фигурировала в литературном контексте конца XI столетия.

В целом же, если наш анализ данного риторического уподобления в летописи верен, то оказывается, что весь упреждающий некролог, помещенный под 1075 г., строится на принципе несоответствия Святослава Ярославича всему хорошему, что есть в образцовых правителях: он, в отличие от своего деда Владимира, не вкладывает денег в дружину, в отличие от своего прадеда Святослава, не выдерживает некоего неписаного этикета и проигрывает в «дипломатическом» поединке с послами, и, наконец, в отличие от библейского царя, он не получает исцеления от нарыва и оказывается подобен своему прототипу, Иезекии, лишь в недолжном.

Разумеется, такая интерпретация предполагает в авторе XI в. не просто знание, но и достаточно свободное владение библейской историей (хотя бы в том, что касается царя Иезекии и пророка Исаии). В таком случае невозможно обойти вопрос, ставший традиционным для исследователей в последнее время, — каковы были источники осведомленности летописца в ветхозаветных сюжетах. Если говорить о тех переведенных на славянский язык, вторичных по отношению к Библии текстах, в которых мы зачастую обнаруживаем образцы для тех или иных построений летописца, отсылающих к ветхозаветной истории, таких, например, как Хроника Георгия Амартола, то здесь столь существенная для нас детализация рассказа о симптомах болезни Иезекии отсутствует¹⁵. У Амартола, в частности, нет никакого упоминания о нарыве или опухоли, которое могло бы подтолкнуть русского автора к разобранному нами сопоставлению.

¹⁴ Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Пригот. к печати Д. И. Абрамович. (Памятники древне-русской литературы. Вып. 2). Пг., 1916. С. 56.

¹⁵ О болезни и исцелении Иезекии у Георгия Амартола упоминается в следующих выражениях: «тогда бо въ болѣзнь въвержеса», «видавъ възвращениѣ слѣчною въ недоузѣ Иезекиина» (*Истрин В. М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе (Текст, исследование, словарь). Пг., 1920. Т. I. С. 165), «...и погоуби книги ты Иезекиа црь, зане, цѣлбы недоугомъ ѿ тѣхъ книгъ приѣмлюще, людикъ презирахоу цѣлбы просити ѿ ба» (Там же. С. 145) и т. п. Что касается рассказа о послах Вавилона, то он приведен у Амартола достаточно подробно, однако здесь нет, разумеется, ни путаницы царей ассирийского и вавилонского, ни сколько-нибудь существенных лексических совпадений с русской летописью, ни, тем более, рассуждений послов о преимуществах воинов над богатством, словом, ни одной яркой приметы, свидетельствующей о непосредственном заимствовании из одного текста в другой: «...исправиса Иезекиа всѣми дѣлы своими, и тако къ словъ Вавоулонскимъ, посланымъ к нему послушати ѿ него

Помимо всего прочего, бросается в глаза и резкий контраст между риторической прагматикой в хронике Амартола и русской летописи — ошибочность поведения правителя перед лицом посольства трактуется в этих источниках в совершенно различном ключе. Георгий Амартол в связи с рассказом о посольстве развивает две темы: коварство замыслов Мародаха, снарядившего посольство, и недостаток смирения у Иезекии, только что исцелившегося от болезни. Ни того, ни другого мы не находим в летописном фрагменте: Святослав, как мы помним, виновен не столько в отсутствии смирения, сколько в том, что копил богатства, не вкладывая их, вопреки родовому обычаю, в воинов.

Все это невольно наводит на предположение, что летописец был знаком с каким-то другим изложением библейского текста или даже непосредственно с 4-й книгой Царств и/или Книгой пророка Исаии. Как такое знакомство могло осуществиться практически?

Глава 38-я из Книги пророка Исаии, повествующая о болезни царя Иезекии, входила в состав паремийных чтений, однако на службе произносились, по-видимому, лишь стихи с первого по шестой, где о болезни царя сказано в самых общих выражениях (без упоминания *опухли* или *нарыва*)¹⁶. Таким образом, остается предположить, что познания летописца не ограничивались кругом этих образцовых текстов.

Подобная гипотеза требует, конечно же, определенной осторожности, тем не менее явление, с которым мы сталкиваемся в «некрологе» Святославу, не является случайным и изолированным — в раннем русском летописании обнаруживается ряд библейских реминисценций, которые не могут быть объяснены воздействием известных нам изложений ветхозаветной истории, бытовавших на славянском языке. Означает ли это, что уже в конце XI в. летописец мог быть напрямую знаком с неслужебными библейскими текстами?

Вопросов здесь пока гораздо больше, чем ответов. Так, в частности, мы не можем сказать, в каком языковом воплощении (славянском, греческом или каком-то ином) могли быть представлены эти тексты на Руси XI в. Насколько сам летописец или его коллеги-книжники были осведомлены в греческом и какую роль в книжной образованности того времени могли играть приезжавшие на Русь византийцы? Фрагмент, где князь Святослав уподобляется царю Иезекии, едва ли содержит в себе какие-либо окончательные решения, однако, будучи собраны вместе, подобные летописные эпизоды, чье происхождение более чем очевидно, но конкретный путь и источник рецепции не обнаружен, могут пролить дополнительный свет на состав «библиотеки древнерусского книжника».

конецъ, иже бы^ѣ на землі и ѡстави ѿго г^ѣ искоушати ѿго да вѣдати соуцаѡа въ ср^ѣци ѿго. показа бо сломъ весь домъ свои и скровища, и ре^ѡ Исаиѡа к нему словомъ г^ѣнемь: зане показа имъ всѡ, се днѣе градоутъ, и възмоутъ в домоу твоємъ всѡ, ꙗко събраша ѡщи твои, изнесоутъ въ Вавоулоньскомоу. подобаетъ оубо и радости и печали вышшею быти и кроткою с козньо коѡмоуждо терпѣти шествованиѡ» (Там же. С. 165).

¹⁶ Ср., например: Рибарова Э., Хауптова Э. Григоровичев паримејник. I. Текст со критички апарат. Скопје, 1998. С. 45—46, 432. 4-я книга Царств входила и в четыре сборники, однако древнейшие славянские переводы такого рода текстов, как известно, не старше середины XIV столетия.

УКРОЩЕНИЕ НЕУКРОТИМЫХ: ДОГОВОРЫ С НОРМАННАМИ КАК СПОСОБ ИХ ИНТЕГРИРОВАНИЯ В ИНОКУЛЬТУРНЫХ ОБЩЕСТВАХ¹

Начавшиеся в VIII в. походы викингов, с одной стороны, и расширение империи Карла Великого на север и северо-восток — с другой, создали совершенно новые основы для взаимодействия скандинавов и народов Западной Европы, прежде всего в Англии и Франции. В результате «саксонских» войн (775—785, 792—804 г.) Франкская империя вмещалась в сложные отношения между данами, населявшими юг Ютландского п-ова, саксами, проживавшими к северу и югу от Эльбы, и славянскими племенами ободритов и вплотную подошла к границам забурлившего скандинавского мира². Уже со второй трети VIII в. на юге Ютландского п-ова формируется раннегосударственное образование с центром в Хедебю³, быстро превращавшемся в главный торговый пункт, через который осуществлялись связи между североморским и балтийским регионами. Возможно, оно включало (во всяком случае, к концу VIII в.) о. Фюн. Отношения с нордальбингами (племенами саксов, живших к северу от Эльбы и непосредственно граничивших с южными данами) были жизненно важны для Южной Дании. Через их территорию проходила главная центральноевропейская сухопутная магистраль, связывавшая Ютландский п-ов с Центральной и Южной Европой еще со времен позднего неолита. Эти отношения, видимо, были достаточно сложны и далеко не всегда дружественны: в 30-е годы VIII в. начинается строительство Даневирке — мощного древо-земляного вала, протянувшегося на 7 км и прикрывавшего подходы к Хедебю с юга⁴. На протяжении VIII в. строительные работы продолжались, и к концу века Даневирке практически полностью перекрыл перешеек⁵. Не менее важны были и связи с ободритами, через земли которых проходил путь к устью р. Травы, откуда по морю товары доставлялись в Хедебю и на о. Фюн. Расцвет этого пути, судя по археологическим данным, приходится на конец эпохи бронзы, но и в эпоху викингов Фюн продолжает играть важную роль, причем в его процветании по-прежнему существенны связи с полабскими славянами и с крупным племенным и торговым центром ободритов Рериком⁶. Отношения южных данов с ободритами были непростыми. Несмотря на крайнюю скудость

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 06-01-00269).

² Первое нападение отряда викингов на Францию (Аквитанию) засвидетельствовано письменными источниками (письмом Алкуина) в самом конце 799 г. См.: Müller-Wille M. Abodriten, Polaben und Wagrier und Nordwesten der slawischen Welt // Starigrad/Oldenburger. Ein slawischer Herrschersitz der frühen Mittelalters in Ostholstein. Neumünster, 1991. S. 53–62; Gläser M. Schleswig-Holstein im 8. und 9. Jahrhundert: Friesen, Dänern, Sachsen und Slawen // Archaeologia Baltica. Vilnius, 2000. T. IV. S. 213–238.

³ Мельникова Е. А. История Дании. М., 1996. Т. I. С. 46–48. Его традиционное в отечественной литературе обозначение «Дания» некорректно, поскольку предполагает государственное образование с территорией, соответствующей Дании XI в. и более позднего времени, т. е. включающей весь Ютландский п-ов, все Датские о-ва и области на юге современной Швеции — Сконе и Богуслен. В действительности, в IX и на протяжении значительной части X в. существовало несколько раннегосударственных объединений со своими собственными династиями правителей: в Южной Дании с центром в Хедебю, в западной Ютландии с центром в Риббе, на о. Зеландия и др. Их количество, а тем более границы неустойчивы из-за отсутствия письменных источников и общности материальной культуры; их окончательное слияние в единое Датское государство происходит на протяжении X в. и завершается в третьей четверти этого столетия при Харальде Синезубом сыне Горма. Впечатление о «единой Дании» на рубеже VIII–IX в. создается франкскими источниками, которые говорят о «короле данов» («rex Danorum»), однако их информация ограничивается лишь событиями вокруг Хедебю и, чуть позднее, Риббе (Scheel O., Paulsen P. Quellen zur Frage Schleswig-Haithabu im Rahmen der fränkischen, sächsischen und nordischen Beziehungen. Kiel, 1930). Другие территории, населенные данами, в поле зрения франкских хронистов не попадают, и сведения о них полностью отсутствуют. В единственном сообщении конца IX в. (рассказе Вульфстана о его плавании в Балтийское море) отмечается существование у данов «многих королей» (The Old English Orosius / Ed. J. Bately. Oxford, 1980. P. 16). Аналогичную оценку социально-политического развития датского общества в VIII–X в. см.: Weibull C. Om det svenska och det danska rikets uppkomst // Historisk Tidskrift för Skåneland. 1921. V. 1; Jankuhn H. Haithabu. Neumünster. 1963. См. также примеч. 11 и 19.

⁴ Древнейшая дендродата самого раннего, «Северного вала» (Nordvold) — 737 г. См.: Andersen H. H. Danevirke. København, 1976. B. 1–2.

⁵ В оборонительной линии была только одна проездная башня с настолько узкими воротами, что в них могла проехать всего одна телега.

⁶ Местонахождение Рерика до сих пор окончательно не установлено. Наиболее вероятное из предположений связывает его с Мекленбургом у современного г. Висмара. См: Херрман Й. Ободриты, лютичи, руяне // Славяне и скандинавы / Пер.